

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Был ли Савва Морозов прообразом «чеховского» капиталиста?

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В творчестве русского писателя А. П. Чехова образ делового человека, русского капиталиста наиболее объемно представлен в повести «Три года» (1895) и пьесе «Вишневый сад» (1903). Этот образ воплощен в героях этих произведений — братьях Лаптевых и Лопухине. В статье рассматривается вопрос, был ли выдающийся русский промышленник Савва Морозов, которого Чехов хорошо знал, прообразом этих литературных героев. Кем был Морозов для Чехова, когда он писал портреты Алексея Лаптева и Ермолая Лопухина? Ведь Чехов не только знал Морозова, он с ним сотрудничал в деле управления Московским художественным театром (МХТ) в период становления в нем системы К. С. Станиславского.

В статье отмечается, что в какой-то мере история Саввы Морозова была для Чехова ориентиром, когда он писал повесть «Три года». Но создавая типичный образ Лопухина в пьесе «Вишневый сад», Чехов держал в уме нетипичный образ Морозова, оценивая им, как камертоном, реалистичность и символизм капиталиста Лопухина. С помощью истории Морозова он выявлял типичность Лопухиных, российских «массовых» капиталистов конца XIX — начала XX в. Типичность их была в том, что у них преобладали хищнические инстинкты, обостренное социальное тщеславие, которые не сдерживались культурной рефлексией. Она была невозможна у людей, которые не могли осилить книгу, которых постоянно «драли». Поэтому Лопухин готов был ударить топором по вишневому саду, готовя его территорию к сдаче в аренду. Поэтому российский капиталист склонялся не столько к производству, сколько к продажам, а возвращенный им российский капитализм приобрел родовую черту: несмотря на передовое место в мире, он жил прежде всего первоначальным продуктом от территории, от земли, от недр ее.

Типичность Лопухина и нетипичность Морозова поддерживались идеями, в которые они верили. У Лопухина — это идея сравняться с помещиком в части владения собственностью. У Морозова — это идея в том, что «государство надо строить на железных балках, наше соломенное царство не живуче».

Ключевые слова: А. П. Чехов, Савва Морозов, Ермолай Лопухин, Алексей Лаптев, образ капиталиста, российские капиталисты, МХТ, «Вишневый сад».

КТО ТАКОЙ САВВА МОРОЗОВ?

В истории России имя Саввы Морозова звучит, пожалуй, громче всех среди купцов и предпринимателей. Настоящий капиталист, он понимал и чтит силу капитализма. Как Ленин, который писал: «...капитализм прогрессивен, ибо... развивает производительные силы... организует и дисциплинирует рабочих» (Ленин, 1973: 65). По-купечески был сметлив

и хитер Морозов, но умен и прозорлив, как человек, прошедший университеты — Московский и Кембриджский.

На ткацкой фабрике в Орехово-Зуеве Владимирской губернии, где правил его отец Тимофей Морозов, где работали тогда одиннадцать тысяч рабочих, где в 1885 г. грянула жесткая забастовка, — на этой фабрике, после смерти отца Савва Морозов, став управляющим директором, модернизировал производство, маркетинг, человеческие отношения, труд, обучение и быт рабочих. И фабрика теперь отличалась не только высокой производительностью и прибылью, но и социальным спокойствием.

Это впечатлило капиталистический класс. И власть тоже. Его избрали председателем Нижегородского ярмарочного комитета — высочайшей площадки организации бизнеса в России. В течение пяти лет его делом стала модернизация промышленности империи. Он ссорился с властью имущими, пробивал ходы в петербургские департаменты, добивался ассигнований и одобрения планов.

В конце 1897 г. Морозов становится пайщиком Московского художественного театра, а потом создает Товарищество по управлению театром. Оставаясь фабрикантом, управляя производством ткани, он теперь управлял и духовным производством, как содиректор театрального предприятия и строитель нового театрального здания в Камергерском переулке Москвы. Если К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко складывали новую эстетику театра, то Морозов складывал новый театральный менеджмент со своей эстетикой.

Смысл, расчет и страсть определяли его жизненные решения. И вполне осознанно он помогал деньгами партии большевиков.

До сих пор привлекательна фигура Саввы Морозова, этого русского буржуа, талантливого и неподржаемого, выбивающегося из ряда отечественных и европейских капиталистов, из капиталистического времени того и нынешнего. О деловых людях в русской литературе проникновенно писали А. Н. Толстой, А. Н. Островский, конечно, М. Горький. Но вот какие образы людей капитала создал А. П. Чехов? Вариант ли это Саввы Морозова?

БИЗНЕС В СОЧИНЕНИЯХ ЧЕХОВА

Образ делового человека, предпринимателя, или купца, как называл такого персонажа Чехов, пожалуй, наиболее объемно представлен в его повести «Три года» (1895) и пьесе «Вишневый сад» (1903). Герои этих сочинений — братья Лаптевы и Лопахин добросовестно «работают» на этот интегральный и уникальный образ, с сотворения которого Чеховым прошло более 110 лет. Но не растаял ли этот образ под прессом времени?

Вот главное «капиталистическое» произведение Чехова — пьеса «Вишневый сад», где ситуацию, конфликт, интригу держит некий деловой человек Ермолай Лопахин. Чехов ставит его в определенные отношения с помещицей Раневской и ее братом Леонидом, с Трофимовым — этим вечным студентом с революционным настроением, с Варей, дочерью Раневской, готовой выйти замуж за Лопахина, с Епиходовым — конторщиком, которого он же, Лопахин, назначает управляющим по проекту «вишневого сада». О роли Лопахина в пьесе Чехов говорит так: «...если Лопахин будет бледен, исполнен бледным актером, то пропадут и роль и пьеса». Поэтому, продолжает Чехов: «Лопахин — белая жилетка и желтые башмаки, ходит, размахивая руками, широко шагая, во время ходьбы думает, ходит по одной линии» (Чехов, 2010а: 264–265). Лопахин ярок, необычен своей «капиталистичностью», гнет свою линию, которая прямолинейна и связана с судьбой вишневого сада. Пьесу ведет «капиталистическая» трансформация Лопахина, преломленная через его психологию и нравственность. Трансформация эта предстает как в принимаемых Лопахиним решениях, когда он «ходит по одной линии», так и в его полемике с действующими лицами, прежде всего с главным его оппонентом, «вечным», как смысл жизни, студентом Трофимовым. Транс-

формация Лопихина, как история делового человека, замешана на столкновении силы собственности, бизнеса и силы культуры, которая определяет философию жизни, ее нравственный закон.

Но образ русского делового человека, коим предстает Лопихин, неполон без другого персонажа Чехова — предпринимателя Алексея Лаптева из повести «Три года», где отношения героев также закручены на противоречии между делом бизнеса и жаждой иной жизни.

Герои повести Алексей Лаптев и Юлия Белавина инертны и безвольны. Однажды он позвал ее замуж. Она согласилась, не имея никаких чувств к нему. Образовался безрадостный семейный союз. Но Лаптев причастен к бизнесу, которым владеет его отец, — торговой фирме «Федор Лаптев и сыновья», называемой в семье «амбаром». Лаптева держат отцовские миллионы. Поэтому он и не бросает дело, к которому совершенно равнодушен. Но тем самым он потворствует тому беспорядку, хаосу, которые все более растут в этой фирме без твердой руки. От этого страдают и клиенты, и приказчики, и работники торгового дома. Ситуацию взломала Юлия, когда озаботилась судьбой маленьких детей, оставшихся сиротами после смерти сестры Алексея Лаптева. Старший Лаптев — Федор Степанович не давал денег на их содержание, ибо считал, что дочь его в свое время была повенчана без его согласия, да и муж ее потом оставил. И тогда Юлия говорит владельцу торгового дома самые жесткие слова: «Федор Степанович, вы уже стары, и скоро бог призовет вас к себе; он спросит вас не о том, как вы торговали и хорошо ли шли ваши дела, а о том, были ли вы милостивы к людям; не были ли вы суровы к тем, кто слабее вас, например, к прислуге, к приказчикам?» (Чехов, 2010b: 85). Столь нравственно поставленный вопрос сломал старика, он принял сказанное, он понял, кто теперь будет определять судьбу его дела. А другие слова Юлия сказала мужу. Их смысл был в том, чтобы каждый день заниматься делами фирмы. Юлия первая в этом «лаптевском» мире ощутила свободу принимать решения и потянула за собой мужа. И тогда Алексей Лаптев занялся модернизацией отцовского бизнеса. Он вдохнул в него культуру. И это стало ему нравиться. В этой ситуации, организованной Юлией, столкнулись две стихии: власть бизнеса и власть культуры человеческих отношений, задающих высшую цель жизни. Эти две стихии предопределили тот же процесс «капиталистической» трансформации Алексея Лаптева, который захлестнул и Лопихина, главного персонажа «Вишневого сада».

Но вариант ли это Саввы Морозова — судьбы Лопихина и Алексея Лаптева из произведений Чехова? Конечно, истории эти, и реальная морозовская, и литературные — «лопахинская» и «лаптевская», сюжетно никак не близки. Но они становятся близки философски, если поставить вопросы: а во имя чего капиталист ведет бизнес и что получается, когда сила бизнеса сталкивается с мощью культуры?

ЧЕХОВ И МОРОЗОВ

Кто тогда в России среди просвещенных и деловых людей не знал ткацкую мануфактуру Морозовых, самую удачливую, богатую по прибылям, да еще прогремевшую мощным выступлением рабочих. Отец Саввы Морозова — Тимофей Морозов, хотя и заботился в определенной мере о быте рабочих, но драл их нещадно за некачественную работу, мучил огромными штрафами за изъяны в производимых тканях. Жестокая приемка, тщательная сортировка. Так он добивался безукоризненного товара. Но в начале 80-х годов девятнадцатого столетия грянул экономический кризис, и зарплаты работникам пришлось снизить, да еще как: с 1882 по 1884 г. было пять снижений заработной платы. Но жестокость за качество работы возросла еще более, штрафы в среднем по фабрике составили 25% от зарплаты, у некоторых до половины. В какой-то момент терпение работников лопнуло. У Ленина об этом так: «Выведенные из терпения, рабочие 7 января 1885 г. бросили работу и в течение несколь-

ких дней разгромили фабричную лавку, квартиру мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. Этот страшный бунт десятка тысяч рабочих... чрезвычайно напугал правительство: в Орехово-Зуево явились тотчас же войска, губернатор, прокурор из Владимира, прокурор из Москвы. — Во время переговоров со стачечниками из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими...» (Ленин, 1967: 22–23). Одним из требований было, «чтобы прием товара производился при свидетелях из рабочих» (там же: 23).

В мае 1886 г. был суд над бунтовщиками, коих было, по некоторым оценкам, 105 человек. Адвокатом был знаменитый Федор Плевако. Он доказательно защищал позицию рабочих и отстоял их права. Адвокатские речи сильно повлияли на присяжных заседателей. Суд наказал только троих из всех обвиняемых, остальных оправдал. А виновником стачки признал Тимофея Морозова.

Савва Морозов так об этом рассказывал: «Старик испугался. До тех пор в России настоящих стачек не бывало. А тут еще суд нарядили. Судили, конечно, не отца, а забастовщиков, но адвокаты так ловко дело повернули, что настоящим-то подсудимым оказался отец. Вызвали его давать показания. Зала полнешенька народу. В бинокли на него смотрят, как в цирке... Кричат: “Изверг!”, “Кровосос!”. Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете — и затылком об пол. И, как нарочно, перед самой скамьей подсудимых!..» (цит. по: Серебров, 1960: 193).

Вот такое унижение в суде тогда испытал Тимофей Морозов. А ведь истоки этого унижительного конфликта хозяина со своими работниками — в далекой истории, в безобразных традициях и обстоятельствах русской жизни. Отец Тимофея Морозова — Савва Васильевич, начинал пастухом, продолжил извозчиком и, наконец, стал ткачом, ленты шелковые делал. И драли его на том производстве, что принадлежало купцу Кононову в городе Зуеве, тогда Владимирской губернии, как до этого драли и в пастухах, и в извозчиках. И он драл работников, уже своих, когда создал собственное дело. Сын его Тимофей Морозов (отец нашего героя Саввы Тимофеевича), который был допущен к управлению фабрикой уже в 16 лет, стал выдающимся предпринимателем, «текстильным королем», в котором уживались здравый смысл, цепкая хватка и сильная воля. Благодаря им он, обделенный систематическим образованием, но наделенный наследством отца, создал мощное ткацкое производство с собственной железной дорогой, с высокой производительностью и прибылью, с разнообразием выпускаемых тканей высокого качества. Но в отношении рабочих людей метод у него был все тот же — драть холопов. Драть уже не столько кнутом, сколько унижительными штрафами и наказаниями. При владении такой собственностью, таким производством, такой экономической свободой он оставался хозяином, унижающим рабочего, смотрел на работника глазами помещика-крепостника и более уповал на насилие. А перед силой чиновничьей, жандармской также по-холопски гнулся.

Савва Морозов потом скажет: «После этой стачки порядочные люди перестали со мной здороваться, а в народе и по сей день распевают зазорные песни про Савву Морозова, и все думают, что это про меня. Иди, доказывай, что я не Тимофей Саввич!» (цит. по: там же: 193).

Савва Морозов действительно был человек иного склада, нежели отец. Он прервал эту круговерть битья и унижений, столь свойственную русским купеческим семьям. В отрочестве он уже сопротивлялся родительскому насилию, все чаще шел наперекор отцу, считавшему, что насилие необходимо как в воспитании и образовании, так и в труде.

Когда Чехов спустя девять лет после событий на морозовской фабрике писал повесть «Три года», выстраивая в ней образ Алексея Лаптева, сына и совладельца главы торговой фирмы Федора Лаптева, похоже, что он держал в памяти известный купеческий род Морозовых и приключившийся в его истории судебный процесс. По крайней мере, роясь в истоках бизнеса семьи Лаптевых, он ироничен в понимании «именимого купеческого рода»:

«Какой там именитый род? — проговорил Лаптев (Алексей Лаптев, сын Федора Лаптева. — Э. М.), сдерживая раздражение. — Именитый род! Деда нашего помещики драли, и каждый последний чиновничка бил его в морду. Отца драл дед, меня и тебя (имеется в виду брат Алексея, тоже Федор. — Э. М.) драл отец. Что нам с тобой дал этот именитый род? Какие нервы и какую кровь мы получили в наследство?» (Чехов, 2010b: 81).

А такие нервы и кровь, что делают человека обезличенным, — так можно понять, самооценку этого персонажа в описании Чехова. Но почитаем дальше монолог Лаптева:

«А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шаг, точно меня выпорют, я робею перед ничтожествами, идиотами, скотами, стоящими неизмеримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворников, швейцаров, городских, жандармов, я всех боюсь, потому что я родился от задравленной матери, с детства я забит и запуган!..» (там же).

Конечно, образ Лаптева не списан Чеховым с Саввы Морозова. Но позиция последнего, его конфликт с отцом после суда в связи с выступлениями рабочих, суда, ставшего теперь частью истории купеческого рода Морозовых, позволили Чехову не только написать монологи Лаптева, но и создать в его лице образ предпринимателя-интеллигента. И поступки его оказались близки делам Саввы Морозова.

Когда Алексей Лаптев заменил отца своего в деле, а отец был, ох как крут, Лаптев запретил сечь мальчиков, что работали в торговом доме, и глумиться над покупателями. Он взялся за наведение порядка, изменил человеческие отношения. Это уже был другой Лаптев, воспитанный университетом, познавший влияние друга-профессора и жены, первой осознавшей силу добра, милосердия и культуры.

А Савва Морозов? После забастовочных потрясений и решения суда отец его Тимофей Морозов недолго правил фабрикой. Скоро дело перешло к его жене, матери Саввы, Марии Федоровне, как владелице мануфактуры. Но реально дела фабрики стал вершить Савва Морозов, также совладелец мануфактуры, но еще и исполнительный директор правления. С его приходом производство сделало мощный рывок, потому что он видел в работнике человека, о котором надо заботиться, которого надо учить работать, учить учиться, учить культуре. Чтобы прийти к такому пониманию, нужно было заново пережить и осмыслить события 1885 г. на своей фабрике, читать Пушкина, Некрасова, А. Толстого, Достоевского, проникнуться мышлением тургеневского Базарова. Переживание своей истории, питаемое гуманитарной образованностью, определяло тогда социальные решения капиталиста Саввы Морозова.

Он штрафы урезонил, изменил человеческие отношения на фабрике. Там появились курсы квалификации для рабочих, училища и мастерские для подростков; появились правила, поощряющие профессиональную учебу, добросовестный труд и взыскивающие за некачественную работу. Сумма взысканий учитывалась при продлении трудового договора с работником. Морозов озаботился строительством благоустроенных общежитий для рабочих, ввел медицинское обслуживание. Рабочих начали приобщать к культуре, к знаниям, отлучать от пьянства. Савва открыл воскресные школы при фабрике, поставил театр в Орехово-Зуеве, где играли столичные актеры.

Династия Морозовых, и Тимофей — отец, и сын Савва, своими делами явно повлияла на творчество Чехова в части сочинений о деловых людях, о хозяевах фабрик и заводов. Но если о делах фабриканта Тимофея Морозова он узнавал из газет, из рассказов близких людей, например художника Исаака Левитана, с которым был дружен и состоял в переписке, а тот был опекаем братом Саввы Морозова — Алексеем, то уже самого Савву он узнал лично, когда был втянут в водоворот событий, связанных с Московским художественным театром, и когда стал вхож в семью Морозовых. При этом его впечатления о Савве дополнялись

информацией, которую он получал из писем К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко и будущей своей жены, актрисы Ольги Книппер.

РУССКИЙ КАПИТАЛИСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЧЕХОВА

Когда Чехов писал свои сочинения «Три года» и «Вишневый сад», он явно держал в уме и жизнь ушедшего более десяти лет назад Тимофея Морозова, и деятельного сына его Саввы, с которым оказался связанным многими жизненными нитями.

Но Савву хорошо знал и другой русский писатель — Максим Горький. Он впечатлялся им, когда писал о купцах-предпринимателях. Более всего тот «виден» в горьковской пьесе «Егор Булычев и другие», замечен в сочинениях «Мать», «Жизнь Клима Самгина» (Лютюв).

Жизнь и дела Саввы Морозова породили некое «эталонное» впечатление о деловом человеке, нетипичное как для той, так и для нынешней России. Но этим «эталонном» хорошо воспользовались и Горький, и Чехов. Оба, создавая «типичные» образы капиталистов для своего времени (по крайней мере, чеховский Ермолай Лопухин и горьковский Егор Булычев), ориентировались на нетипичного Савву Морозова, идя от противного, поверяя им, как камертоном, реалистичность или символизм своих героев. Морозов был для них тем ориентиром, что противоречил российскому капитализму, и тем особенно привлекал. По крайней мере, Чехов, создавая образ Лопухина, держал в уме свой образ Саввы Морозова.

Капиталист в произведениях Чехова живет противоречием между созиданием как приращением культуры, и обогащением, чаще хищническим. В бизнесе он видит либо «культурный» проект, движимый деньгами, либо проект без культуры, движимый волей хищника, прыгающего на запах денег. Образ такого капиталиста двоятся между типом, созидующим культуру в своем бизнесе, и типом, насилующим свой бизнес ради наживы. Могут быть и полутона. Но какие доказательства?

КАПИТАЛИСТ БЕЗ КУЛЬТУРЫ — ХИЩНИК

Если капиталист хищник, то им управляют только деньги. И какого бы он нрава ни был, деньги победят. Они затемняют взор нынешний и взор перспективный. Хищнические инстинкты сдерживают только ценности духовные, культурная рефлексия, критическое знание, и как следствие — убеждение.

Деловой человек Лопухин намерен спасти вишневый сад, который продают за долги. Это тот сад, что принадлежит помещице Раневской. Саду тому много лет, с ним связана вся жизнь ее и предков ее.

Лопухин — друг семьи Раневской. Он обозначен в действующих лицах пьесы как купец. По замечанию Чехова, Лопухин, «правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов» (Чехов, 2010а: 263).

Лопухин предлагает по-деловому точный вариант спасения вишневого сада: «Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города,azole прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода... Вы будете брать с дачников самое малое по двадцати пяти рублей в год за десятину... Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад... Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я займы тысяч пятьдесят достану. ...Раз окончательно решите, чтоб были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены» (Чехов, 2010с: 326). Сугубо денежный вариант решения проблемы.

Лопехин готов найти деньги на выкуп сада, с тем чтобы потом «качать» из него деньги, дробя на участки и сдавая их дачникам под дачи. Сад, производящий продукт (материальный — вишню, и моральный — прекрасный пейзаж, «сладостные, душевные воспоминания»), теперь должен стать площадью для застройки. Но Раневская так и не рискнула принять столь прагматичный проект. «Это так пошло», — говорит она, женщина Серебряного века.

Но сад выставили-таки на продажу. И купил его Лопехин, чем был необычайно доволен, горд и счастлив: «Я купил. Я купил! — твердил он — Вишневый сад теперь мой! Мой! (*Хочет*). Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... (*Топочет ногами*)» (там же: 356).

А Раневская все же надеялась, что после всех приключений с добыванием денег сад отойдет ее брату Леониду. Но купил Лопехин. А ведь он сначала не хотел покупать, он давал советы, проекты, наконец, давал займы. Но на торгах, куда он пришел с Леонидом, денежная бойня правила бал: кто надает больше!

«Вижу, дело такое, я... надавал сорок. ...Я пятьдесят пять. ...я по десяти... Сверх долга я надавал девяносто», — как замороженный повторял он (там же).

Не мог он устоять перед запахом денег. Не мог. Хищник-мужик взял верх. Но во имя чего? Только ради будущих денег?

Нет. Тут его вело тщеславие, обостренное социальное тщеславие: мужик сравнялся с помещиком: «Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже на кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... ..Приходите все смотреть, как Ермолай Лопехин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь... Музыка, играй! ...Музыка, играй отчетливо! Пускай все, как я желаю! (*С иронией*.) Идет новый помещик, владелец вишневого сада! (*Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры*.) За все могу заплатить!» (там же: 356–357).

Лопехин — хищник? Ведь определенно он поручит рубить сад, чтобы потом поделить его на участки и предложить в аренду дачникам.

Но хищник нужен прогрессу. И «вечный» студент Трофимов из этой пьесы, идейный и интеллектуальный оппонент Лопехина, говорит ему: «Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает ему на пути, так и ты нужен» (там же: 340).

Но съедают прежде слабых. А вишневый сад имел ресурсы для сопротивления — вишню и пейзаж. Ему нужно было только обновление. И хищник Лопехин взывал к нему своими намерениями, да помещики Раневские оказались не способны сопротивляться.

Но что есть обновление, как не приращение культуры в бизнесе? Это доказывает Савва Морозов, образ которого так настойчиво «преследовал» создателя пьесы Антона Павловича Чехова.

«Культурная» история Саввы Морозова началась с модернизации орехово-зுவевской мануфактуры. Первым шагом стало строительство просторных, светлых фабричных корпусов и создание мощной энергетики. А потом пошло оснащение производства новейшими машинами из Германии, создание химического производства, дающего стойкие краски, от которых ткани становились небывало привлекательными, и только у Саввы Морозова. Огромные деньги по тем временам в 7,5 миллиона рублей инвестировал он с 1891 по 1902 г. в эти культурные изменения по принципу «Для лучших технологий и машин денег не жалеть». А следом шла культура вычислений, т. е. статистика производства, причин брака, диаграммы рас-

хода сырья и энергии, маркетинг товара и, наконец, научное прогнозирование и обучение персонала. И под это тоже денег не жалел. Его мануфактура стала одним из самых прогрессивных предприятий Европы (Федорец, 2013: 134–136).

И Чехов в пьесе тоже ведет эту культурную линию в бизнесе. Ведь и Лопехину предлагают не тупо сдавать в аренду землю вишневого сада, а заняться производством продукта от вишневого сада: вишня сушеная, маринованная...

Но Лопехин, светящийся от счастья, что купил вишневый сад, так говорит о себе: «Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул...» И далее: «Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спяна, и все палкой. В сущности и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья» (Чехов, 2010с: 339).

Образованность, культура совместимы ли с деловым человеком? Вот в повести Чехова «Три года» спорят два брата, Алексей и Федор, те, что управляют московской фирмой «Федор Лаптев и сыновья». Федор считает, что «университетские люди для нашего дела не годятся». А Алексей категорически не согласен, потому как понимает, что прогресс в бизнесе — от культуры собственника. Он пытается изменить семейное дело, заводит новые порядки, изменяет отношения с работниками, а работников — с покупателями, заставляет работать честно, как и честно считать доходы и расходы, «чувствуя обаяние этих цифр», и, наконец, перед ним открывается коммерческая тайна эффективности фирмы. У Морозова культура пришла в производство после потрясений от стачки 1885 г., у Алексея Лаптева культура вошла в бизнес после семейных потрясений — умерла сестра, брат оказался в сумасшедшем доме от интеллектуальных переживаний, ослеп отец, глава фирмы. Вполне допускаю, что культурная история чеховского «литературного» капиталиста Лаптева складывалась под влиянием настоящего капиталиста Саввы Морозова.

А Лопехин? «Милый, порядочный человек» Лопехин — он «хищник»? Или он порядочный человек на пути к культуре? Ответ в ремарках Чехова.

Вот ремарка, с которой начинается пьеса: «Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты. Входят Дуняша со свечой и Лопехин с книгой в руке». С книгой!

Но вот ремарка, которой заканчивается пьеса: «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву». Топором!

Как же символичен Чехов, и диалектичен при том.

Сначала свеча и книга, потом лопнувшая струна, как лопнувшая надежда, и в конце топор, бьющий по дереву. Незлобивый деловой человек Лопехин не устоял против топора, за которым виделись реальные деньги.

Но вот прошло сто с лишним лет. И все так же стучат в бизнесе топором по дереву. Только топор другой — сегодня это, например, спекуляция деньгами, «производство» денег из денег. В постигшем мир финансовом кризисе 2008-го и последующих годов блистали своим безответственным поведением банки. Поведение это «следует считать безответственным, поскольку оно предполагало отказ от важных практик проверки и учета; однако миллионы людей получали выгоду, покупая реальные товары и услуги за нереальные деньги, «произведенные» банками». Такой вывод делает профессор экономической социологии Уорикского университета Колин Крауч в своей книге «Странная не-смерть неоллиберализма» (Крауч, 2012: 178). Собственно, в этих безответственных практиках и состоит «не смерть» неоллиберализма. Мошенничество финансовой олигархии прикрывается «языком высоконравственных целей». Но этим мошенничеством финансовая олигархия заражает и производственную, и торговую. И тогда меняется понимание бизнес-эффективности. Теперь она вся

рассматривается как получение прибыли любой ценой. Высшая ценность — прибыль, но никак не благополучие граждан. В бизнесе теперь прозрачна тенденция потери профессиональной ответственности, компетентности и профессиональной морали во имя превратной понятой эффективности. Крауч отмечает неслучайность того, что в современном обществе «сама идея профессиональной этики высмеивается, спросу на нее отводится все меньше места, нас поощряют больше доверять рыночным процессам, которые сами крайне уязвимы для манипуляций со стороны одновременно частного и государственного менеджмента» (там же: 259).

В России в период реформ 90-х годов XX в. появилась целая когорта предпринимателей, одержимых безудержным, хищническим обогащением, лишенных сострадания, сопереживания с народом, солидарности с ним. «Дикий» российский капитализм, порожденный ими, вел себя в мировом финансовом кризисе так же безответственно, как и «западный» капитализм, о котором пишет Крауч. Капитализм, лишенный морали, очень хорошо возвращает хаос в умах, и в конечном счете — в обществе.

Но не об этом ли нам говорил А. Чехов в начале прошлого века, предлагая образ милого, порядочного Лопехина, попавшего в западную «дикую» капитализма? «Кто больше даст?» — «Я надавал больше!»

«ВИШНЕВЫЙ САД» И МХТ КАК ПРОЕКТЫ СПАСЕНИЯ

Сопоставим ситуации с «вишневым садом» и с Московским художественным театром, случившиеся на пересечении веков. И хотя «вишневый сад» — это художественный вымысел А. П. Чехова, своего рода виртуальный случай, а художественный театр — реальная история, тем не менее посмотрим на них как на деловые проекты, имеющие проблемы. Их нужно решать, чтобы проекты не скончались. Вишневому саду угрожала проблема продажи за долги, он гирей повис на бюджете помещицы Раневской. А художественный театр как общедоступный, как предприятие для широкой публики требовал значительных финансовых вложений, которые не могли обеспечить его пайщики. Поэтому перспектива его была туманна.

За проектом «вишневого сада» по воле Чехова стоял купец Лопехин, за проектом МХТ — один из самых организованных и эффективных пайщиков его — предприниматель Савва Морозов. И тот и другой — русские капиталисты. Правда, один, тот, что Лопехин, — это художественный образ, второй — это реальная фигура. Но именно в тени этой фигуры и разрастается образ Лопехина, человека, решающего проблему «вишневого сада». Он предлагает вишневый сад и землю вокруг него разбить на участки и отдать в аренду под дачи, тем более что рядом железная дорога и город, так что дачников будет достаточно. Никаких забот, и 25 тысяч рублей дохода в год! Конечно, небольшое вложение придется сделать — ну, займы года на два взять эдак 50 тысяч. А уже через два года, на третий и далее пойдут чистые доходы.

Но еще до того, как Лопехину пришлось заняться проблемой «вишневого сада», схожую проблему спасения предприятия, пусть театрального, решал Савва Морозов.

План Морозова по спасению театра, как предприятия по производству духовной продукции, был такой.

В-первых, создать товарищество на паях Московского художественного театра. Товарищество — это не просто группа пайщиков, дающая благотворительные, спонсорские деньги нуждающемуся, а это уже коммерческое предприятие — акционерная компания, владеющая собственностью (помещением театра) и нацеленная на производство определенного продукта. В данном случае — духовного продукта.

Поэтому, во-вторых, зрителя нужно постоянно увлекать театром. А для этого необходимо постоянное обновление репертуара, «не менее пяти новых пьес в сезон, если театр играет пост вне Москвы, и не менее шести новых пьес, если театр функционирует постом в Москве» (Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 1 об.). Но каких пьес, каким должен быть репертуар театра?

Поэтому, в-третьих, «репертуар театра должен придерживаться пьес, имеющих общественный интерес, и пьесы, не имеющие такового, хотя бы и могущие рассчитывать на материальный успех, не могут входить в состав репертуара театра» (Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 3–3 об.). Но зрителя нужно увлекать не только постоянно обновляемым, общественно значимым репертуаром, но и яркостью, качеством представления.

Поэтому, в-четвертых, театр должен иметь ярких актеров — деятельных единомышленников, а сам театр должен быть технически и технологически оснащен, отличаться трехъярусной вращающейся сценой, превосходным освещением, где свет — участник действия, иметь художественно впечатляющие декорации и костюмы персонажей представлений, репетиционные залы, комфортные помещения для актеров.

Создавая этот план, Морозов уже имел опыт развития своего предприятия, как достаточно успешный менеджер. Поэтому он использовал тот же самый алгоритм для спасения театра: перестройка бизнеса под производство определенных продуктов, постоянное обновление номенклатуры продуктов, расширение клиентуры на основе ее интересов, оснащенность производства современными технологиями, обучение и воспитание работников.

Осуществление плана Морозова сделало Московский художественный театр действительно общедоступным. И конечно, за счет создания актуальных, художественно ценных и постоянно обновляемых сценических представлений, возбуждающих душу и ум. В отношении репертуара (номенклатуры продуктов, выражаясь производственным языком) Морозов исходил из того, что театр должен строго ориентироваться на свою целевую аудиторию, должен создавать и развивать эту аудиторию. Он считал, что аудитория МХТ — это интеллигенция, и в этом отличие этого театра от других. Но интеллигенции интересны общественно-политические проблемы и в них роль самой интеллигенции. Поэтому репертуар — это прежде всего социальные и исторические пьесы А. П. Чехова, А. М. Горького, Л. Н. Толстого, А. К. Толстого. В этом случае театр становился властителем дум своего зрителя — университетских профессоров, учителей, врачей, инженеров, студенческой молодежи. И Чехов был солидарен с Морозовым, когда говорил, что МХТ должен «трактовать современную жизнь, ту самую, какую живет интеллигенция, и какая не находит себе трактования в других театрах, за полную их неинтеллигентность» (Чехов, 2010а: 205).

Но постановка в МХТ пьес, поражающих социальностью и глубоким психологизмом, требовала и нового актера. Как отмечала Т. А. Щепкина-Куперник, в МХТ актеры были большей частью не из актерской среды, мужчины многие с высшим образованием, что было редкостью для актерской публики, женщины из курсисток или учительниц. МХТ поднимал актеров «на большую культурную, моральную и этическую высоту» (Щепкина-Куперник, 1959: 220–221). Их высокий интеллект, работа по системе Станиславского порождали совершенно иное качество спектаклей и воздействия на публику, большая часть которой относилась к интеллигенции.

Но новая художественная эстетика, революционность, общедоступность, финансовая самостоятельность МХТ требовали иного театрального здания. Оно должно было воплощать еще небывалый МХТ, со всеми его прорывными устремлениями, полезными для всего XX в. Новый театр, а это и новые стены, и новая организация театрального пространства, и репертуар, и спектакли с их новой эстетикой, принципами и идеями, — все это не могло обойтись без организованного по-новому управления. Это касалось и финансовой стороны дела,

включавшей расходы на строительство, оборудование, оплату труда и творчества всех частных к проекту, и театрально-творческой — репертуар, постановка спектаклей. Для такого управления нужен был коллектив единомышленников, причастный к доходам и расходам, управлению собственностью, к производству духовного продукта, а не собрание наемных работников. И тогда Морозов предложил новые условия для пайщиков МХТ. Вот что в связи с этим писал В. И. Немирович-Данченко: «Морозов помог нам организовать товарищество, состоящее уже не из директоров филармонии, а из самих артистов, причем Чехов также вступил пайщиком. И стал к театру еще ближе» (Немирович-Данченко, 1989: 179). А вот что писал по этому поводу К. С. Станиславский: «После того как с помощью Морозова наше дело стало крепким и стало давать не дефицит, а некоторую прибыль, мы решили для его упрочения передать его, со всем имуществом и поставленным на сцене репертуаром, группе наиболее талантливых артистов, основателям дела, которые являлись фактически его душой. Савва Тимофеевич, отказавшись от возмещения сделанных по постановкам и поддержке театра затрат, передал весь доход названной группе, которая с того времени и являлась хозяином и владельцем театра и всего предприятия» (Станиславский, 2007: 272). Новое товарищество стало достаточно эффективной интеллектуально-организационной силой. Товарищество по-морозовски, в котором творцы, работники и менеджеры, они же совладельцы и соуправленцы собственностью, воплотили демократическую форму управления капиталом и производством, стало первым опытом коллективного предприятия и корпоративной социальной ответственности. Случилось это благодаря Морозову в сфере духовного производства — в МХТ. Через пару лет Морозов попытается применить этот опыт на своей мануфактуре. А ныне мировой бизнес в своих лучших проявлениях озабочен проблемой корпоративной социальной ответственности.

Однако, создавая образ Лопехина, Чехов так и не воспользовался решением Морозова, как примером действия кризисного менеджера, хотя оно и имело место за полтора года до написания «Вишневого сада».

Можно и шире поставить вопрос. Почему, создавая образ Лопехина, Чехов не воспользовался опытом Морозова в бизнесе? Ведь Чехов прекрасно представлял силу капиталистического таланта Морозова, его размах, волю, способную организовать дело наилучшим образом и добиться осуществления стратегических планов, чему примером были и модернизация собственного производства, ставшего одним из прогрессивных предприятий Европы, и появление великого Московского художественного театра, изменившего мировой театр. Чехов ведь наблюдал Морозова и в деле, так как был членом созданного им товарищества МХТ. Он видел в нем действительно прогрессивного капиталиста, созвучного России.

И тем не менее он понимал, что Морозов нетипичен для России его времени. А типичен именно Лопехин. Российский «массовый» капиталист — это Лопехин. Вот почему Лопехину не созвучна идея Морозова для спасения вишневого сада — создание предприятия с коллективным владением и творчеством, способного не землей торговать, а выпустить новый продукт.

Их вели разные идеи. Лопехиным двигала идея, как бы сравняться с помещиком. Мужик сравнялся с помещиком! Как это зажигало душу. Имение, где отец и дед его были рабами, теперь принадлежит новому помещику — капиталисту Лопехину.

Нет, не капиталисту, желающему двинуть производство хотя бы вишни сушеной и маринованной, а капиталисту на помещицкой закваске, способному отдать в аренду землю без сада, который придется извести, чтобы аренда дала достойный доход. Сад под топор, деньги в кубышку.

Мог ли Лопехин сколотить товарищество для спасения «вишневого сада»? Ведь рядом тоже были «творческие» люди со своими предложениями. Фирс, этот верный слуга семьи Ра-

невских, человек из народа, напоминал: «В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало... сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...» (Чехов, 2010с: 327).

А ему в ответ помещик, брат Раневской: «Помолчи Фирс». И капиталисту Лопахину, заещающему помещиков, «фирсовские» воспоминания тоже мимо ушей. Он — деловой человек, у него одна линия, прямая: ценность сада только в том, «что он очень большой», а «вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает». Поэтому решать проблему вишневого сада следует не производством, а денежно — садовую землю в аренду! А там может случиться, что какой-нибудь дачник и займется хозяйством, «и тогда ваш вишневый сад станет счастливым».

Капиталист, вдохновленный идеей сравняться с помещиком, нацеленный на приобретение, владение и накопление больше, чем на развитие, создавал большой, но «рыхлый» капитализм, живущий первоначальным продуктом либо от земли, либо от недр ее. В 1913 г., через 10 лет после рассказанного Чеховым случая со сдачей в аренду земли от «вишневого сада», Россия по уровню промышленного производства уже занимала пятое место в мире благодаря прежде всего тому, что дело вершило сырье. По добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов страна была вторая в мире; по выработке хлопчатобумажных тканей — третья; по производству коксующегося угля для металлургии, сахарного песка и продукции машиностроения — четвертая; по производству чугуна, железной руды, цемента, выплавке стали — пятое; по добыче угля — шестое (История социалистической ... , 1976: 17). При этом иностранным монополиям принадлежало около 70% выплавки чугуна и готовых изделий на юге России, около 60% всей добычи нефти, около 90% капиталов электрических и электротехнических предприятий (там же: 19), что тогда определяли научно-технический прогресс.

Лопахины не особо видели себя в производстве электроэнергии, электромоторов, турбин, телефонов, радио, автомобилей и самолетов.

Русский капитализм жестоко протестировала грянувшая в 1914 г. мировая война. Командир 29-го корпуса русских генерал Д. П. Зуев шлет нервное послание военному министру: «Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землей. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь! Они идут вперед, окрыленные успехом, и потому дерзают, мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех» (Яковлев, 1993: 106).

Сражающаяся армия требовала пушек, снарядов, винтовок, автомобилей, самолетов, телефонов и даже жестяных банок для обеспечения солдат консервированным мясом. Но все это в массовом количестве России приходилось закупать за рубежом. За три года войны Россия выдала заказов только США на 1 млрд 287 млн долларов, — отмечал историк русской артиллерии Е. З. Барсуков (там же: 139).

И будто подводя итог тому военному тестированию русской промышленности, В. В. Шульгин, депутат Госдумы во время той войны, написал на старости лет: «Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо... То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи и бросать бомбы (имелась в виду деятельность социалистов-революционеров. — Э. М.), теперь окупалось миллионами русских жизней. Мы не хотели и не могли быть «эдисонами», мы презирали материальную культуру» (Шульгин, 1989: 123–124).

Но Лопахины действительно не могли и не хотели быть «эдисонами». Они свято верили в сырьевую силу державы. Не об этом ли слова самого Лопахина в пьесе: «Иной раз, когда

не спится, я думаю: господа, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...» (Чехов, 2010с: 342). Но ведь не выходит отчего-то.

А вот Савва Морозов действительно был «эдисон». Он, химик по образованию, для собственного производства исследовал целую палитру красящих веществ, создал такие краски и ввел такие технологии их применения для тканей, что поразил Европу. А занимаясь художественным театром, он создал новый тип духовного зрелищного предприятия, своего рода храм веры в интеллект, в культуру, и возвел при нем целую электростанцию для освещения, тепла и спецэффектов. Это всего лишь штрихи, но «эдисоновского» накала.

Но все дело в том, что Лопахины были типичны, а Алексеи Лаптевы и Саввы Морозовы единичны в российской действительности. И как-то так получалось, что и власть поддерживала по большей части Лопахиных, нежели Лаптевых и Морозовых. Чехов закручивает интригу в «Вишневом саде» как раз на типичности Лопахиных. И круто закручивает.

Ведь чем поддерживается типичность Лопахина и нетипичность Лаптева и Морозова? Идеями, в которые они верят.

У Лопахина, как понятно из предыдущих рассуждений, — это идея сравняться с помещиком в части владения собственностью, стать «великаном» в необъятной, громадной стране, веруя в то, что «прежде было очень хорошо, по крайней мере драли» (там же: 340).

У Лаптева — это идея, высказанная его супругой и близкая ему после всех переживаний: когда бог призовет, он спросит не о том, как вы торговали и хорошо ли шли дела, а о том, были ли вы милостивы к людям?

А идея и вера Морозова, что двигали его капиталистическую жизнь, шла вразрез с устремлениями и верованиями Лопахина. Идея Морозова была масштабна как сама Россия: «У нас много заботятся о хлебе, но мало о железе, а теперь государство надо строить на железных балках... Наше соломенное царство не живуче» (Горький, 2000: 365–366); «Россия, благодаря своим естественным богатствам, благодаря исключительной сметливости своего населения, благодаря редкой выносливости своего рабочего, может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы» (Бурышкин, 2002: 61). А вера его была в человека. Он говорил Горькому, как изумительно талантлив наш народ и его удивительная талантливость всегда выручала нас; но проблема в том, что нашему народу нечего делать на своей богатой земле, — его не учили и не учат работать, поэтому он ленив и вымирает от пьянства и сифилиса (Горький, 2000: 370).

Идея и вера, которой следовал Савва Морозов, породили его конфликт с отцом. Тот боялся вкладывать деньги в обновление производства, чтобы рабочий был ответственен за капитал и продукт так же, как и капиталист. Отец управлял посредством страха, который нагонял на рабочих. Савва в конфликте том одержал верх, отец отступил.

Чехов ведь знал жизненную линию Морозова, знал, какой идее и вере тот поклонялся. Ближе всего это было Чехову. Поэтому в пьесе «Вишневый сад» философию Морозова он доверил выразить идейному оппоненту Лопахина — вечному студенту Трофимову, чья «вечность» — как намек на то, что всю жизнь надо учиться. Трофимов, идейный союзник Чехова и Морозова, объясняет Лопахину, почему в России, при ее громадных лесах, полях и богатых недрах, у людей не получается стать великанами: «Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать».

Но не смеется ли Чехов, когда вкладывает эти слова в уста человеку, нигде и никогда не работавшему?

А Трофимов продолжает: «У нас, в России, работают пока очень не многие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят “ты”, с мужиками об-

ращаются как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьезные... все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... Есть только грязь, пошлость, азиатчина...» (Чехов, 2010с: 341).

Но послушаем самого Чехова в связи со спором героев «Вишневого сада» по поводу стремления стать в большой стране «великаном» в своем деле. Вот как однажды он говорил: «Чтобы хорошо жить, по-человечески, — надо же работать! Работать с любовью, с верой. А у нас не умеют этого. Архитектор, выстроив два-три приличных дома, садится играть в карты, играет всю жизнь или же торчит за кулисами театра. Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой... Сделав себе имя удачной защитой, адвокат уже перестает заботиться о защите правды, а защищает только право собственности, играет на скачках, ест устриц и изображает собой тонкого знатока всех искусств. Актер, сыгравши сносно две-три роли, уже не учит больше ролей, а надевает цилиндр, и думает, что он гений. Вся Россия — страна каких-то жадных и ленивых людей: они ужасно много едят, пьют, любят спать днем...» (Горький, 2000: 221). Это слова Чехова в версии Горького, в его очерке «А. П. Чехов».

Взволнованная речь Трофимова во имя труда («надо бы только работать»), хотя сам и не работает, изумляет начинающего капиталиста Лопахина: «Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера... и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей» (Чехов, 2010с: 341–342).

Проблема оказывается в том, что есть много бесчестных, непорядочных людей, которые, по разумению Лопахина, мешают стать таким, как он, великанами в бизнесе, «сколько ты ни бейся в честном труде». В его словах правда есть, но частичная, не главная. Ведь на что обращает внимание сам Чехов? Людям, чтобы стать «великанами», нужно не просто работать, исключая леность и жадность, а «работать с любовью, с верой». Но чтобы так работать, нужно, чтобы людей не драли, а чтобы они имели какие-то высшие, отдаленные цели. Вот пишет Чехов своему издателю: «Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука» (Чехов, 2010а: 39). То есть речь идет о высоте идеи.

Такая высота в идеях Саввы Морозова есть. И такая же высшая идея появляется в семейном бизнесе Лаптевых: быть милостивым к людям, независимо от того, как вы торговали. Но не типичны эти высоты, как не типичны Морозов и Лаптев.

В пьесе «Вишневый сад» высота идеи, схожая с «морозовской», есть в монологе Трофимова. Но он человек неимущий, неприменимый к практике, хотя и жадно глотающий знания, мыслящий широко. А тот, кто действует и должен бы иметь высшую идею как отдаленную цель в своей капиталистической практике, руководствуется в этой практике только примитивным тщеславным желанием кому-то доказать, что и он может владеть собственностью и строгать с нее рубли. Это Лопахин, искренний и страстный человек, наделенный практической сметкой и деловой волей, но не способный одолеть книгу, проникнуться знанием, уповаящий на прежние порядки, при которых, «по крайней мере, драли». Это Лопахин, «чеховский» капиталист, про которого сказать можно словами Чехова, что он способен «быть зверем и в то же время счастливым» (там же: 79). Вот она, трагическая несходимость русской жизни между Лопахиным и Трофимовым, между открытым счастьем хищника и бессилием культуры.

Невозможно соединить Трофимова и Лопахина в образе одного героя, хотя оба и типичны. Один, относящий себя к интеллигенции, вскрывает ее же порочность, говорит о высокой

идее, но не способен совладать с нею. Другой силу свою капиталистическую оснащает столь мелкой идеей, что ему остается только «кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбегаться и хватить лбом об угол сундука».

Если Трофимов типичен, то он представитель той интеллигенции, о которой столь нелицеприятно высказывался Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую...» Но Чехов говорил: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало» (Чехов, 2010а: 169–170). Возможно, такой отдельной личностью для Чехова и был Морозов?

Когда Россия забурлила рабочими волнениями и крестьянскими восстаниями в 1904-м — начале 1905 г., что заразили и морозовское производство, Савва Морозов решил, что каждый лучший рабочий на его фабрике должен иметь свой пай, и это позволит привлечь рабочих людей к участию в прибылях товарищества мануфактуры (Бурьшкин, 1995: 128). Опыт уже был — товарищество МХТ, которое он создал, объединив творческих людей, уже управляло прибылями и делами театра. И вот теперь под напором событий он пытается перенести этот опыт в бизнес, чтобы рабочие стали соучастниками капитала и тем самым спасли его.

Неслыханное дело в предпринимательских кругах! Восстала семья. Мать его — Мария Федоровна, как главная пайщица и директор-распорядитель мануфактуры, категорически воспротивилась решению сына. В ее категорическом «нет» прозвучало все неприятие поступков Саввы последних лет: и в отношении к рабочим фабрики, и в отношении строительства нового Московского художественного театра, и в отношении финансирования партии большевиков. В апреле 1905 г. она лишила сына возможности управлять мануфактурой. Удар для Морозова оказался нешуточным. К тому же он оказался в контексте набирающих силу революционных событий в России. А прогноз Морозова на революцию тогда не сверкал оптимизмом: «Разгорится она преждевременно, сил для нее — нет, и будет — чепуха!» (Горький, 2000: 110).

Весной 1905 г. он едет в Канны, чтобы собраться с мыслями, что-то понять, что-то решить. И опять все та же несходимость русской жизни. В Каннах нетипичный капиталист Морозов стреляется, не остановленный волей рока. А типичный предприниматель Лопахин, завершив эпопею с «вишневым садом», едет в Харьков делать дела, которых много, и они не ждут. А управлять приобретенной собственностью — «вишневым садом», — он оставляет наемного менеджера Епиходова, у которого, судя по ремаркам Чехова, из рук все валится, но который говорит: «Я развитый человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться... я всегда ношу при себе револьвер» (Чехов, 2010с: 335).

Пьеса «Вишневый сад», наверное, одна из немногих, где револьвер так и не выстрелил. Может, из-за того, что это комедия, а может, из-за того, что несерьезный человек Епиходов, поставленный на сад Лопахиним, так и не может определить свое направление. А если «Вишневый сад» — это действительно Россия, как определил его вечный студент Трофимов?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурьшкин, П. А. (1995) Морозовы. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М. : Современник. 479 с.
- Бурьшкин, П. А. (2002) Москва купеческая. Воспоминания. М. : Захаров. 304 с.
- Горький, М. (2000) Книга о русских людях. М. : Вагриус. 572 с.
- История социалистической экономики СССР (1976) : в 7 т. М. : Наука. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. 448 с.

- Крауч, К. (2012) Странная не-смерть неолиберализма. М. : Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС. 272 с.
- Ленин, В. И. (1967) Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы. Т. 2. 678 с.
- Ленин, В. И. (1973) Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы. Т. 20. 584 с.
- Немирович-Данченко, В. И. (1989) Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М. : Правда. 576 с.
- Серебров, А. Н. (1960) Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М. : Московский рабочий. 268 с.
- Станиславский, К. С. (2007) Моя жизнь в искусстве. М. : Вагриус. 448 с.
- Федорец, А. И. (2013) Савва Морозов. М. : Молодая гвардия. 350 [2] с.
- Чехов, А. П. (2010а) Собр. соч. : в 15 т. М. : Книжный клуб «Книговек». Т. 15. Избранные письма. 1892–1904. 384 с.
- Чехов, А. П. (2010б) Собр. соч. : в 15 т. М. : Книжный клуб «Книговек». Т. 10. Повести, рассказы. 1894–1898. 384 с.
- Чехов, А. П. (2010с) Собр. соч. : в 15 т. М. : Книжный клуб «Книговек». Т. 12. Пьесы. 384 с.
- Щепкина-Куперник, Т. А. (1959) Из воспоминаний. М. : Издание Всероссийского театрального общества. 464 с.
- Шульгин, В. В. (1989) Дни. 1920 год. М. : Современник. 557 с.
- Яковлев, Н. Н. (1993) 1 августа 1914. М. : Москвитянин. 316 с.

Дата поступления: 30.08.2014 г.

WAS SAVVA MOROZOV A PROTOTYPICAL CHEKHOVIAN CAPITALIST?

E. F. MAKAREVICH

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Among the works of the Russian writer Anton Chekhov, the so-called ‘Russian capitalist’ appears most conspicuously in the short novel “Three Years” (1895) and in the play “Cherry Orchard” (1903), embodied in the Laptev brothers in Lopakhin respectively. The author attempts to answer the question whether the prominent Russian industrialist Savva Morozov, whom Chekhov knew personally, was a prototype for all these fictional characters. Who was Morozov to Chekhov when Chekhov was creating the characters of Aleksey Laptev and Yermolay Lopakhin? After all, the writer and the industrialist were not just casual acquaintances: Morozov was involved in the management of the Moscow Art Theatre when Stanislavsky was developing his system there.

To some extent, the life story of Savva Morozov was a blueprint for Chekhov when he was writing “Three Years”. But by the time Chekhov started work on “Cherry Orchard”, Morozov the atypical capitalist had become a kind of a touchstone to assess how realistic and symbolic Lopakhin was in the play. It was through Morozov’s life story that Chekhov uncovered the typical traits shared by all the Lopakhins of his time: the Russian ‘mass’ capitalists of the late 19th — early 20th century. Typical for all of them was being driven by predatory instincts and possessing an acute social ambition uninhibited by any reflection. Reflection was completely alien to people who could never finish a book, to those for whom whipping was the order of the day when they were growing up. Thus, Lopakhin had no qualms about putting the cherry orchard ‘to the axe’ so the freed-up land could then be leased out to tenants. It was for the same reason that Russian capitalists preferred trade rather than manufacture. The type of capitalism they eventually built was based on selling natural resources, or any primary product that the earth or its bowels yielded.

Lopakhin was a typical Russian capitalist because he was driven by a desire to become a landowner, while Morozov was an atypical capitalist because he believed that ‘a state must be built on iron girders, our kingdom of straw can’t survive for long.’

Keywords: Anton Chekhov, Savva Morozov, Yermolay Lopakhin, Aleksey Laptev, typical capitalist, Russian capitalists, Moscow Art Theatre, “Cherry Orchard”.

REFERENCES

- Buryshkin, P. A. (1995) *Morozovy. 1000 let russkogo predprinimatel'stva: Iz istorii kupecheskikh rodov* [The Morozovs. 1000 Years of Russian Entrepreneurship: from the History of Merchant Families]. Moscow, Sovremennik Publ. 479 p. (In Russ.).
- Buryshkin, P. A. (2002) *Moskva kupecheskaia. Vospominaniia* [The Merchant Moscow: Memoirs]. Moscow, Zakharov Publ. 304 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (2000) *Kniga o russkikh liudiakh* [The Book of Russian People]. Moscow, Vagrius Publ. 572 p. (In Russ.).
- Istoriia sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [History of the Socialist Economy of the USSR] (1976) : in 7 vols. Moscow, Nauka Publ. Vol. 1. Sovetskaia ekonomika v 1917–1920 gg. [Soviet Economy in the 1917–1920s]. 448 p. (In Russ.).
- Crouch, C. (2012) *Strannaia ne-smert' neoliberalizma* [The Strange Non-death of Neoliberalism]. Moscow, Delo Publ. at RANEPa. 272 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1967) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] : in 55 vols. 5th edition. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. Vol. 2. 678 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] : in 55 vols. 5th edition. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. Vol. 20. 584 p. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1989) *Rozhdenie teatra: Vospominaniia, stat'i, zametki, pis'ma* [The Birth of Theatre: Memories, Articles, Essays, Letters]. Moscow, Pravda Publ. 576 p. (In Russ.).
- Serebrov, A. N. (1960) *Vremia i liudi: Vospominaniia (1898–1905)* [Time and People: Memoirs (1898–1905)]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ. 268 p. (In Russ.).
- Stanislavsky, K. S. (2007) *Moia zhizn' v iskusstve* [My Life in Art]. Moscow, Vagrius Publ. 448 p. (In Russ.).
- Fedorets, A. I. (2013) *Savva Morozov* [Savva Morozov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ. 350 [2] p. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (2010a) *Sobranie sochinenii* [Works] : in 15 vols. Moscow, Knizhnyi Klub "Knigovek" Publ. Vol. 15. *Izbrannye pis'ma. 1892–1904* [Selected Letters. 1892–1904]. 384 p. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (2010b) *Sobranie sochinenii* [Works] : in 15 vols. Moscow, Knizhnyi Klub "Knigovek" Publ. Vol. 10. *Povesti, rasskazy. 1894–1898* [Short Novels, Stories. 1894–1898]. 384 p. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (2010c) *Sobranie sochinenii* [Works] : in 15 vols. Moscow, Knizhnyi klub "Knigovek" Publ. Vol. 12. *P'esy* [Plays]. 384 p. (In Russ.).
- Shchepkina-Kupernik, T. L. (1959) *Iz vospominanii* [From My Memories]. Moscow, Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo Publ. 464 p. (In Russ.).
- Shul'gin, V. V. (1989) *Dni. 1920 god.* [Days. 1920]. Moscow, Sovremennik Publ. 557 p. (In Russ.).
- Yakovlev, N. N. (1993) *1 avgusta 1914* [August 1st, 1914]. Moscow, Moskvitianin Publ. 316 p. (In Russ.).

Submission date: 30.08.2014.

Макаревич Эдуард Федорович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: edward.makarevich@mail.ru

Makarevich Eduard Fyodorovich, Doctor of Social Science, Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: edward.makarevich@mail.ru